

УЧЕБНИКИ
И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Ю. И. Гревцов

СОЦИОЛОГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Юрий Иванович Гревцов

Социология

**Серия «Учебники и учебные пособия
(Юридический Центр Пресс)»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11284261

Социология: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003

ISBN 5-94201-154-0

Аннотация

<p id="__GoBack">В предлагаемом труде представлен опыт разработки курса лекций по социологии для студентов гуманитарных вузов и факультетов, в первую очередь для студентов юридических вузов. Курс разработан на базе Образовательного стандарта. Особенностью данного курса (по сравнению с существующими, является основательное обращение к анализу права в качестве заметной составляющей современного общества и на этой основе – стремление прочно «прописать» право (правовые явления) как важнейший фактор эволюции общества, человечества в целом. Автор стремился учесть не только отечественный, но и зарубежный опыт подготовки курса лекций по проблемам преимущественно «классической» социологии. В «Курсе» включены извлечения из трудов отечественных и зарубежных ученых-социологов прошлого и

современности... Для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных (юридических) вузов и факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современной социологии.

Содержание

Предисловие	6
Раздел I. Введение в социологию	8
Глава 1. Социология как наука	8
§ 1. Общая характеристика социологии как науки (предмет, методы)	8
§ 2. Особенности социологического мышления	34
§ 3. Социология, юридическая наука, социология права	41
Дополнительная литература	44
Извлечения: Р. Арон об основных идеях основателя социологии О. Конта[26]	45
3. Социология как наука о человечестве	45
4. Человеческая природа и социальный порядок	51
Извлечения: Э. Дюркгейм. Курс социальной науки[27]	58
Извлечения: В. А. Ядов.	72
«Глава 1. Некоторые проблемы теории и методологии социологических исследований»[28]	72
1. О предмете социологии	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Юрий Гревцов

Социология

© Ю. И. Гревцов, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Предисловие

Автор данного учебника имеет за плечами более двадцати лет работы в НИИ комплексных социальных исследований Ленгосуниверситета (лаборантом, младшим научным сотрудником, заведующим лабораторией юридических исследований) и профессором юридического факультета и факультета социологии Санкт-Петербургского университета.

Пожалуй, не оправдает своих ожиданий тот, кто попытается найти в работе бесконечные рассуждения в лоне теоретической, в особенности современной теоретической социологии. Как и тот, кто приступит к чтению с предубеждением об его «юридической природе».

Данный курс рассчитан в первую очередь на студентов юридических факультетов и вузов в плане знакомства с безусловно важными и необходимыми для студентов проблемами общественного развития.

Но не менее важная цель – знакомство студентов различных гуманитарных вузов не только с классическими темами социологии, но и проблемами социологии права, социальной ценности права, механизмами действия (в зависимости от типа правовой системы), т. е. с теми концептами права, которые необходимы каждому, кто получает гуманитарное образование.

С. А. Муромцев (1850–1910) заметил, что даже самое по-

верхностное изучение общества убеждает нас в том, что все стороны его жизни находятся в некотором отношении ко всем способностям человека и элементам среды. Умственные, нравственные, физические способности человека, физические, этнографические и политические элементы среды участвуют в образовании, движении, разрушении всей социальной жизни. Военная, экономическая, политическая, юридическая, моральная, религиозная, научная, художественная деятельность народов управляется одними и теми же внутренними и внешними факторами. Существует только различие в способах их комбинации, в соответствии с чем и изменяется их значение в образовании случаев разного рода.

Поскольку право составляет группу явлений среди прочих явлений общественной жизни, наука должна определять отношения, в которых состоят правовые явления между собой, к явлениям других групп и к прочим условиям и факторам общественного развития. С. А. Муромцев завершает свои рассуждения блестящим выводом: гражданско-правовой порядок есть ступень последовательного развития социального порядка вообще.¹

---

¹ Муромцев С. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 14, 33, 48.

Раздел I. Введение в социологию

Глава 1. Социология как наука

§ 1. Общая характеристика социологии как науки (предмет, методы)

Хорошо известно, что термин «социология» ввел в конце 30-х гг. XIX столетия один из основателей социологии О. Конт (1798–1875). Но нельзя сказать, что для всех очевиден смысл, который заключил в это понятие ученый. Нередко это термин интерпретируют как «учение об обществе». Соответственно, социология в этом случае понимается как наука об обществе. Казалось бы, достаточно точный перевод смысла понятия «социология». Однако в действительности именно отсюда начинаются самые серьезные проблемы для тех, кто, удовлетворившись таким определением понятия, неосмотрительно перешагивают через эту понятийную головоломку, увлекаемый непреодолимым стремлением сразу же погрузиться в самые глубины социологии. Увы, для таких исследователей существование социологии как науки оказывается обойденным и потому непознанным.

Для самого основателя социологии О. Конта «общество» – это все человечество, во всяком случае, он использует эти понятия как взаимозаменяемые.²

Один из самых конструктивных архитекторов социологии Э. Дюркгейм (1858–1917) подчеркивал, что контовская социология представляет из себя не столько специальное исследование социальных организмов, сколько философские размышления о человеческой социальности вообще.³

Важно заметить, что длительное время контовская интерпретация того, что должна изучать социология, признания не находила (в том числе и многими авторами, считающимися классиками социологии). Однако вот что пишет современный авторитетный ученый П. Штомпка: человечество больше не рассматривается как «статистическая совокупность», философская или идеологическая категория; оно приобретает социологическую сущность, превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему. О таком понимании человечества не могло быть и речи даже в сравни-

---

² Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Социология. Ее предмет, метод, значение. М., 1995. С.178.

³ Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Социология. Ее предмет, метод, значение. М., 1995. С.178.

тельно недавнем прошлом... Большинство социологов разделяют мнение Роберта Элиаса, согласно которому социология возможна лишь как социология мирового сообщества.⁴

Отмеченное – действительно очень важная характеристика, отражающая достаточно заметную тенденцию развития современных обществ, однако в научном плане еще не все ясно с самим понятием человечества. Тем не менее социологический анализ, по мнению Э. Гидденса, ограничивающийся изучением отдельных обществ, представляется все более архаичным.

Между прочим, еще Э. Дюркгейм заметил, что те, кто довольствуются понятием социологии как науки, изучающей общество, как будто не замечают очевидного – существует *не общество*, существуют *общества*, которые различаются по множеству характеристик и могут образовывать различные виды (а в совокупности человечество). Ценность такой постановки вопроса очевидна, без нее вряд ли стали бы возможны последующие дискуссии по поводу предмета социологии.

Однако Э. Дюркгейм не пытается рассмотреть неизбежные аргументы его оппонентов. Например, такой аргумент: *человек* также не существует, есть конкретные люди, которые достаточно заметно разнятся, могут образовывать различные виды. Но это обстоятельство не помешало тому, что именно *человек* выступает предметом, причем отнюдь не ка-

---

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 120.

кой-то одной научной дисциплины.

Кроме того, при всей несхожести людей всегда существовали определенные признаки сходства, единства людей. То же самое можно сказать и применительно к обществам.

Конечно, понятие «Общество» – это абстракция, плод метафизических размышлений. Однозначная ориентация исследователей на такую абстракцию способна привести к неоправданному отрыву ученых от самой социальной действительности, к все большему накоплению спекулятивных схем и конструкций, которые в большинстве своем невозможно приложить к социальным процессам, протекающим в современном мире (собственно, XX столетие, особенно его вторая половина, продемонстрировало тупиковые возможности такого подхода).

Что же делать с понятием «Общество»? Оправданны ли вообще ориентации на такую абстракцию в социологии, которая неизбежно обуславливает определенный дискурс на предмет социологии?

Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен. Нацеленность социологии на изучение и объяснение форм организации социальной материи с помощью абстракции «Общество» имела определенную перспективу в прошлом, не исчезла она и сегодня. В основе такого факта лежит следующее непреложное обстоятельство: как бы ни отличались друг от друга общества в прошлом и сейчас, для них характерны признаки сходства. Служебная роль абстракции «Обще-

ство» должна выражаться в том, что с ее помощью можно интегрировать в первую очередь характеристики, фиксирующие черты сходства и единства различающихся обществ. *В этом случае она способна превратиться в конструктивный инструмент социального познания и можно говорить о том, что абстракция «Общество» со временем способна стать если и не синонимом понятию «Человечество», то быть этому понятию созвучной.*

Обсуждая вопрос о том, что изучает социология, очень важно не упустить из виду следующее. Помимо рассмотренного значения абстракции «Общество», спровоцировавшего неоправданную «затеоретизированность» как предмета социологии, так и самого социального познания, научная категория «общество(а)» играла и продолжает играть роль инструмента, ориентирующего исследователя на изучение весьма земных обществ, которые в социологии всегда рассматривались как национальные государства. При таком подходе «общество» – это национальное государство, которое связано с другими национальными государствами в единую мировую систему.⁵

Здесь особо пристальное внимание уместно обратить на следующее. Во-первых, какие бы наилучшие способы познания и объяснения таких обществ ни изобретала социология, очевидно, что такое «общество» представляет собой тер-

---

⁵ Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press, 1987. Ch. 2. P. 22–51 (Пер. Е. Якимовой).

риториальное и политическое образование, которое не может составлять компетенцию какой-либо одной дисциплины, будь то социология, политическая наука или экономика. Поэтому следует признать, что сохранение в социологии абсолютной четкости границ ее предмета, «неприкосновенности владений» не только невозможно, но сегодня и нежелательно.⁶

Полезно заметить, что О. Конт, Э. Дюркгейм обосновывали эту же мысль: социальные явления слишком связаны друг с другом, чтобы можно было изучать их отдельно, изолированными друг от друга науками. Связь социальных фактов друг с другом неминуемо сближает социальные науки и в результате этого сближения каждая из социальных наук теряет часть своей самостоятельности, но выигрывает в основательности и действенности.⁷ В свое время С. А. Муромцев заметил, что не может быть речи о таком обособлении частей социальной науки, при котором предмет каждой из них стоял бы вполне особняком.⁸ И это происходит в первую очередь потому, что общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах – политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным; ни одна страна сегодня не является

---

⁶ Giddens A. *Social Theory and Modern Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1987. Ch. 2. P. 22–51 (Пер. Е. Якимовой).

⁷ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 176.

⁸ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 34.

самодостаточным островом (П. Штомпка).

Во-вторых, рассмотрение конкретных обществ в качестве предмета социологии имеет несколько следствий, и прежде всего то, что такое представление стимулирует преимущественный интерес к эндогенным моделям развития. Имеются в виду такие концепции, которые предполагают, будто исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают как бы «изнутри» самого общества.

Общество (каждое) обладает своей «логикой», которая движет его в определенном направлении; логика же детерминирована структурными (собственными) возможностями общества. Ограниченность такого подхода очевидна. Все типы социальных систем, начиная с малых до письменных культур и аграрных обществ и заканчивая современными социальными образованиями, существуют в контексте интерсоциальных систем, который (контекст) самым серьезным образом влиял на их природу и траекторию развития.

Обозначая каналы влияния интерсоциальных систем на траекторию развития современного общества, Э. Гидденс говорит о нескольких новых, остающихся, по его мнению, вне необходимого внимания со стороны исследователей: **административная власть, точнее, усиление ее влияния на основе использования ею информационных ресурсов; войны и военная власть; культурные измерения.**⁹

Итак, если иметь в виду также перспективу социологии,

---

⁹ Гидденс Э. Указ. соч.

то эта наука имеет своим предметом и реальные общества, и «Общество» как научную категорию, основное назначение которой – содействие в обозначении общих, единых, универсальных черт в общественном развитии.

В первом случае социологию не могут не интересовать различные геополитические факторы, которые влияют на те или иные типы социальной организации, социальные движения и социальные изменения. При этом из поля зрения социологии не должны исчезать и процессы внутренней регионализации даже самых непротиворечивых современных государств. Вместе с тем все эти процессы должны восприниматься и объясняться во взаимодействии с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят за государственные рамки того или иного общества (Э. Гидденс).

***Комментарий автора:** постепенно социология приблизится к овладению своим предметом в самом высоком и истинном значении – обратится к изучению и объяснению различных форм организации социальной материи в масштабах человечества, главным образом – в плане выяснения природы названных явлений, причин, приводящих эти формы в состояние равновесия (покоя), изменений (развития), а также деструктивные воздействия.*

Сегодня в зарубежной и отечественной литературе можно найти целую гамму определений предмета социологии, некоторые из них находятся в русле рассмотренных подхо-

дов, другие отражают более конкретные пласты предмета.

Так, английские ученые пишут, что в самой простой формулировке *социология – это наука, изучающая сложные взаимоотношения между людьми и обществом, эта наука исследует то, как люди создают и изменяют общество и как общество формирует поведение людей и их представления о себе.*¹⁰

Американский ученый Н. Смелзер считает, что *социология – это один из способов изучения людей; социологи стремятся выяснить, почему люди ведут себя определенным образом, почему они образуют группы, поклоняются чему-либо, женятся, голосуют, т. е. все то, что происходит с людьми, когда они взаимодействуют друг с другом.*¹¹

Социология, считал М. М. Ковалевский (1851–1916) в отличие от истории, неизбежно отвлекается от многих конкретных единичных фактов и указывает лишь общую тенденцию их развития, никогда не теряя из виду своей основной задачи – раскрытие причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи.¹²

М. Вебер (1864–1920) видел предмет социологии в различных социальных контактах (социальном взаимодей-

---

¹⁰ Томпсон Дж. Л., Пристли Дж. Социология. М. – Львов, 1998. С. 7.

¹¹ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 14.

¹² Ковалевский М. М. Социология. СПб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. С. 9.

ствии) между различными индивидами и социальными структурами (институтами) общества.¹³

Проанализировав приведенные суждения, нетрудно обнаружить, что одни ученые, говоря о предмете социологии, обозначают его посредством таких понятий, как «поведение», «социальное поведение», «социальное взаимодействие». Такое определение предмета характерно для американской школы социологии (хотя и в рамках европейской школы можно встретить подобные интерпретации).

Другие ученые предмет социологии очерчивают более широко, полагая, к примеру, что его составляют устойчивые социальные факты, социальные закономерности, которые складываются не на индивидуальном уровне, а на уровне общества.

В. А. Ядов пишет, что предмет социологии, как он вырисовывается в классической европейской традиции, – исследование целостности социального организма, его системности, скрепляемой либо верованиями и нравственными ценностями, либо разумным разделением труда, общественно-полезных функций, что и обеспечивает слаженность всей организации и ради чего общество создает необходимые для его нормального функционирования институты собственности, государственности, право, образование, религию. При этом на первый план выдвигается наиндивидуальное, пред-

---

¹³ Привод. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 547 и сл.

метод исследования становятся деиндивидуализированные структуры социальной организации.¹⁴

Различные акценты в обозначении предмета социологии не могли не сказаться на понимании и объяснениях *метода* социологии. К рассмотрению этого непростого вопроса мы и переходим.

О методах социологии. В проблеме метода (также как и в проблеме предмета социологии) наиболее употребим термин «Метод». И здесь можно сказать, что абстракция «Метод» не имеет в реальности референта, т. е. «Метод» как будто не существует, есть различные *методы*, причем разного уровня.

В первую очередь необходимо выделить в социологии *теоретические* и *эмпирические методы*. Первые выступают инструментом теоретического анализа, вторые используются для сбора конкретной информации (опросы, наблюдение и др.). Конечно, такое деление методов условно, в большинстве случаев в социологическом исследовании имеет место использование и теоретических, и эмпирических методов.

Теоретические методы неоднородны, их можно дифференцировать по меньшей мере на два уровня: *универсальные* (философские) приемы и способы познания, которые в той или иной мере используют все науки, не исключая и социологию (анализ, синтез, научные категории и др.); и *общенаучные методы*, т. е. принципы, приемы и способы научно-

---

¹⁴ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М., 1998. С. 18.

го познания, выработанные в рамках той или иной социальной науки, которые постепенно выходят за рамки выработавшей их научной дисциплины, поскольку начинают использоваться учеными других научных дисциплин. Многие научные принципы, приемы и способы познания социальной действительности, выработанные социологией, относятся к общенаучным методам.

Назначение научного метода, его роль неоднозначны. *Помимо общепризнанного представления о методе как совокупности принципов, правил, приемов познания и объяснения наукой своего предмета, за методом, по крайней мере в отечественной науке, закрепилась роль критерия самостоятельности науки.*

Чтобы претендовать на самостоятельность, наука должна иметь (выработать) свой метод(ы). Последнее нередко понимается в том смысле, что метод(ы) должен выработываться в рамках данной науки и использоваться лишь ею. Но это – крайняя позиция, слабость которой сегодня легко обнаруживается. Поскольку не только социальные явления и процессы находятся во взаимной связи и взаимодействии, но и последние так или иначе оказываются связанными и взаимодействуют с природными, биологическими и др. явлениями и процессами, постольку метод(ы) той или иной науки никак не может быть «без примесей». Каждый метод в той или иной степени впитывает (должен это делать) достижения человеческого разума в самых различных областях бытия.

В этом смысле метод(ы) социологии не исключение, нередко он достаточно отчетливо иллюстрируют влияние на него того или иного концептуального направления. Наиболее заметным и как будто «судьбоносным» оказалось влияние на него (через основателя социологии О. Конта) теории эволюции (в различных ее интерпретациях). В частности, идеи О. Конта о сходстве между биологическим организмом и обществом (эту идею впоследствии достаточно плодотворно развил Г. Спенсер). Отталкиваясь от названной идеи, О. Конт заложил принципиальные устои научного метода в социологии, выделив в обществе «социальную статику» и «социальную динамику».

Под *социальной статикой* понималась анатомия человеческого общества, его составные части и их взаиморасположение (по аналогии с анатомией тела, его органами, скелетом и мышцами).

Социальная динамика, по мнению О. Конта, концентрируется на физиологии – процессах, протекающих в недрах общества (подобно телесным функциям – дыханию, циркуляции крови, деятельности мозга и др.). Естественно, что цель, итог развития общества определялся по аналогии с эволюцией организма (от эмбриона к зрелости).

Г. Спенсер (1820–1903) разделял взгляды О. Конта, хотя и внес определенные новеллы, особенно в терминологию. По мнению ученого, понятие «структура» подразумевает исследование внутреннего строения социального целого, понятие

«функция» – способ деятельности или изменений (трансформаций). Подобно Конту, Г. Спенсер утверждал, что общество можно рассматривать как некую жесткую сущность, осязаемый (онтологический) объект, причем существующий как бы отдельно от происходящих в нем процессов. Другими словами, признавалась возможность отделить структуру общества от его функций.¹⁵

Рассмотренные подходы, конечно же, покоились на центральных постулатах эволюционной теории. Постепенно четко определились два направления этой теории, различающихся пониманием того, насколько строение, функционирование и развитие общества аналогично строению, функционированию и развитию живого организма (одно из этих направлений – «органицизм» – на заре XIX века «завернуло» социологию в тупик тем, что буквально отождествляло общество с реальным биологическим организмом).

Более продуктивным оказалось направление (в эволюционной теории), которое проводило аналогию общества с биологическим организмом в плане наличия общего сходства, но никак не тождества. Это касалось прежде всего объяснения строения общества. Подобно живым организмам, общество состоит из различных элементов («клеток» – индивидов), собранных в более сложные образования («органы» – институты), которые объединены сетью взаимодействий («органическая анатомия» – социальные связи). Та-

---

¹⁵ Привод. по: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 19.

кое представление основывалось на понимании того, что: организм и общество обладают структурой, но тип структуры различен – жесткая интеграция в организме, ни одна часть которого не может существовать отдельно, и гораздо более свободная в обществе, где и индивиды, и институты обладают некоторой автономией и самодостаточностью.

Аналогия распространялась и на функции, но и здесь прослеживались различия: узкоспециальные, однофункциональные органы в организме и многофункциональные, взаимодополняющие элементы или подсистемы в обществе.

Одна из важнейших идей в рамках такого направления – идея **роста**, который характерен и для организма и для общества.

Понятие роста имело чрезвычайно важное значение для последующего развития метода познания и объяснения общества в принципиальном пункте социологии, а именно в исследованиях *изменений в обществе*.

«Рост» – это процесс, который: а) раскрывает внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т. е. обнаруживает свойства, закодированные в семени или эмбрионе); б) идет в одном направлении и имеет необратимый характер (от зрелости к юности возврата нет); в) продолжается непрерывно и не может быть остановлен (нельзя оставаться вечно молодым); г) развитие идет постепенно, кумулятивно, шаг за шагом; д) стадии роста сменяют друг друга.

Концепция роста, продолжает П. Штомпка, стала основой социологической идеи эволюции, фундаментом для влиятельной теоретической школы, изучающей социальные изменения в обществе и известной как «социологический эволюционизм» (О. Конт, Г. Спенсер, Л. Морган, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Л. Уорд и др.). Эта ориентация в социологии предшествовала во времени и существенно отличалась от «биологического эволюционизма» (дарвинизма). Во-первых, это была теория онтогенеза, в которой человеческое сообщество рассматривалось как единственное уникальное целое, тогда как дарвинизм был теорией филогенеза, в рамках которой исследовалось происхождение особей и видов. Во-вторых, социологи исследовали механизм раскрытия внутренне присущих, потенциальных возможностей, а дарвинисты акцентировали внимание на случайных мутациях, борьбе за существование, на выживании наиболее приспособленных особей и естественном отборе наиболее адаптированных. Первый процесс представлялся ровным, гладким и факторы, влияющие на изменения, рассматривались как эндогенные, имманентные; второй – напряженным, изменения здесь зависели от экзогенного давления окружающей среды. В-третьих, социологический эволюционизм постулировал неуклонный процесс, а биологический эволюционизм предполагал лишь наличие вероятных стохастических связей.

И вот весьма значимый вывод, который делает П. Штомп-

ка: «На протяжении большей части своей долгой истории социологический эволюционизм игнорировал и даже отрицал достижения в биологическом эволюционизме. Лишь недавно некоторые авторы поняли, что можно черпать вдохновение и в биологическом эволюционизме и стали развивать «эволюционную» (но не «эволюционистскую») теорию социальных и культурных изменений, используя некоторые результаты современной биологии».¹⁶

Комментарий автора: самые глубокие корни современной социологии, ее метода лежат именно в этих двух научных потоках – социологическом эволюционизме и биологическом эволюционизме. Все последующие научные приобретения есть результат предпочтения первого или второго.

Различные концепции социальных изменений есть видение «роста» общества в концептуальном обрамлении либо социологического, либо биологического эволюционизма. Есть, конечно, попытки использовать возможности и первого и второго течений. К примеру, системная модель социальных изменений в значительной мере учитывает постулаты социологического эволюционизма и, вместе с тем, использует возможности метода биологического эволюционизма. В частности, стремление различать и классифицировать изменения **внутри** социальной системы и изменения **самой** социальной системы основано на принципах биологического эволюционизма, по-скольку изменения социальной системы

---

¹⁶ Привод. по: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 135–137.

вызываются факторами, находящимися не только в самом потенциале системы, но и вне его.

Различные альтернативные (эволюционной теории) модели (и методы) также опираются на возможности биологического эволюционизма. В этом случае общество рассматривается не как статичное, стабильное состояние, а как процесс, не как жесткая целостность, а как бесконечно длящийся поток событий. Признается, что общество (общность, социальная группа и пр.) может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит (случается), предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется.

Другими словами, онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа, и не случайно мы часто говорим о «социальной жизни». В этом случае меняется и образ объекта, претерпевающего изменения. Общество (группа, организация и т. д.) рассматривается не как жесткая, «твердая» система, а скорее как «мягкое» поле взаимоотношений. Социальная реальность предстает межличностной (межличностной) реальностью, в которой существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной преданности. Иными словами, она является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей. Такое

межличностное поле находится в постоянном движении, оно способно расширяться и сжиматься (например, когда индивиды проникают в него или покидают его), усиливаться или ослабляться (когда меняется качество взаимосвязей).¹⁷

Современные концепции, вплоть до постмодернизма, в значительной степени являются последними воплощениями эволюционизма, преимущественно биологического. Разумеется, в том смысле биологического, который выводит на передний план не организм, а человека – деятеля, способного (или не способного) ориентироваться и действовать в постоянно изменяющемся, зачастую враждебном потоке событий и времени (социальном поле).

Отмеченное получило наиболее образное отражение и в теории методов социологии, центральными пунктами которой являются методы, получившие название «классической научной стратегии» и «понимающей социологии». Задержим внимание на этих двух научных стратегиях – *классической научной стратегии*, фундамент которой сформировали О. Конт, Э. Дюркгейм и др., и *понимающей социологии*, которую сформировали в первую очередь Г. Зиммель и М. Вебер.

Основными принципами **классического научного метода** являются следующие: 1) Социальные явления (их возникновение, функционирование, развитие и отмирание) подчиняются закономерностям, являющимися общими для

---

¹⁷ Привод. по: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 27–28.

всей действительности; 2) Поэтому социология, ее методы должны строиться по образцу естественных наук; 3) Метод социологии должен быть таким же строгим, точным, как в естественных науках; 4) Важнейшим критерием научности является *объективность* знания. Объективность означает, что социологическое знание не должно содержать в себе субъективных впечатлений и умозрительных рассуждений. Нужно описывать социальную действительность независимо от нашего к ней отношения и имеющихся на этот счет метафизических спекуляций. Этот принцип нашел свое выражение в правиле-требовании: социология должна быть свободной от ценностных суждений и идеологии!

Несколько подробнее эта научная стратегия характеризуется через понятие «*объективность*» *научного знания*. Последнее означает, что объект исследования четко отделен от исследователя, является для него внешним социальным фактом.

Социальные факты следует рассматривать как вещи, – требовал Э. Дюркгейм. Это означает, что внешняя реальность должна быть подвергнута наблюдению и знание о ней должно описываться строго нейтральным, отрешенным языком.

Формула «социальные факты следует рассматривать как вещи» ведет к критике политической экономии, абстрактных дискуссий, к примеру таких, как стоимость. «Все эти подходы, по Дюркгейму, страдают одним и тем же главным

недостатком. Они исходят из ложного представления, будто мы в состоянии понять социальные феномены, исходя из того значения, какое мы им непосредственно придаем, в то время как их подлинное значение можно обнаружить лишь путем объективного научного исследования».¹⁸

Получается, что социолог должен оставить в стороне, вообще забыть человеческую душу, намерения и личные смыслы людей даже тогда, когда он изучает поведение этих самых людей. *Рассматриваемая стратегия исходит из того, что исследуемый объект разным исследователям должен казаться одинаковым, одинаковыми должны быть и результаты его объяснения.*

В рамках такой методологии важно обратить внимание на принципы социального познания, которые отстаивал Э. Дюркгейм. Одна из важнейших идей ученого – индивид не есть исторически первичное. Сознание индивидом самого себя, его становление, следует из самого исторического развития. В своем исследовании общественного разделения труда Э. Дюркгейм сформулировал две важные мысли: *историческая первичность обществ, в которых индивидуальное сознание целиком находится «вне Я»; необходимость объяснения индивидуальных феноменов состоянием коллективности, а не состояние коллективности индивидуальными феноменами.*

Обосновывая такой подход, Э. Дюркгейм пишет, что на

---

¹⁸ Арон Р. Указ. соч. С. 361.

уровне индивида всегда существует настолько преувеличенное ощущение своего «Я», что человек нередко перестает замечать границы, сжимающие его со всех сторон. Создавая иллюзию о своем собственном всемогуществе, мы стремимся быть самодостаточными. Вот почему человек зачастую видит свое достоинство в том, чтобы как можно сильнее отличаться от других, следовать своим собственным путем. Необходимо изо всех сил противодействовать этой разлагающей тенденции, чтобы наше общество вновь осознало свое органическое единство, чтобы индивид чувствовал эту социальную массу, которая охватывает и пронизывает его, и чтобы это чувство всегда управляло его поведением.¹⁹

Приведем рассуждения на этот счет современных авторов. Быть зависимым необязательно означает быть беспомощным, бессильным или не имеющим возможности контролировать ситуацию. Часто под этим понимается *взаимозависимость*. А это подразумевает умение ценить близкие отношения, быть чутким и ответственным по отношению к другим, оказывать и получать поддержку. Это подразумевает также способность определять самих себя не только как уникальную самость, но и как лояльного союзника «значимых других».

Комментарий автора: полагаю, что Э. Дюркгейм согласился бы с этими утверждениями и, возможно, оценил бы это неплохое разъяснение его мысли об императивах (при-

---

¹⁹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 197.

*нуждении) коллективного сознания (общества).*²⁰

Было бы нелепым думать, что общество навязывает индивиду какие-то «собственные» модели, давление; ограничение свободы индивида коллективным сознанием происходит чаще всего именно во имя реализации лояльного поведения.

Метод «понимающей» социологии. Г. Зиммель (1858–1918), М. Вебер сформулировали ряд принципов научного социального познания, которые составили основу совершенно иной, по сравнению с рассмотренной, стратегии познания. Последняя получила название нетрадиционной, или «понимающей», социологии, основные постулаты которой мы сейчас и рассмотрим: 1) Необходимо устранить из научного мировоззрения все представления относительно объективного знания; 2) Социология не должна претендовать на нечто большее, чем выяснение причин тех или иных свершившихся событий, и воздерживаться от так называемых научных прогнозов; 3) Социолог должен знать, что в основе интеллектуальной деятельности лежит постоянное соотношение различных эмпирических данных, событий, фактов с общечеловеческими ценностями. Это задает общее направление всему человеческому мышлению.

Отнесение (или соотнесение) к ценностям ставит серьезное ограничение индивидуальному произволу в науке, подчеркивал М. Вебер (общечеловеческие ценности выполняют, таким образом, роль общего знаменателя, «общих зако-

---

²⁰ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 197.

номерностей»).

Мысль о том, что существует лишь один, «объективный» способ быть наукой, и что социология поэтому должна подражать естественным наукам, М. Вебер решительно не принимает. Ученый считает, что социология, не теряя стремления к точности, должна все-таки отличаться от естественных наук.

Социальная реальность не схожа с естественной природой тем, что люди всегда вкладывают определенный смысл в свои действия, точнее подчиняют последние определенной логике, в том числе и логике здравого смысла. Конечно, есть традиционные (или аффективные) действия, которые осуществляются как бы автоматически. Однако Вебер имеет в виду не такие действия, а рациональное поведение (социальное). Рациональное поведение мотивировано, соотносено с поведением сопряженных индивидов (и ценностными нормативами), люди в большинстве случаев действуют, чтобы достичь или приблизить какие-то цели. По этой причине человеческие действия, в отличие от перемещения физических тел или химических реакций, надо прежде всего понять, а не объяснять.

Было бы неправильным закреплять только за одним из рассмотренных стратегических течений право на верное объяснение – в каждом из них содержатся элементы научной стратегии.

В высказывании русского ученого Е. Н. Трубецкого

(1863–1920) можно обнаружить преломление рассматриваемого вопроса применительно к исследованиям правового развития общества. В частности, он писал, что одна из наиболее значимых заслуг Р. Иеринга (1818–1892) в том, что он доказал несостоятельность учения Ф. К. фон Савиньи и Г. Ф. Пухты в части вывода о произвольном и безболезненном развитии права. Учение это, по мнению Р. Иеринга, представляет собой фантастическое построение: нелепо полагать, что юридические понятия достались людям готовыми, без всякого с их стороны труда. На самом деле человек является всегда борцом за право. Обращаясь к истории, мы видим, что каждое новое юридическое понятие было для людей плодом ожесточенной борьбы и напряженных усилий.²¹

Совершенно отрываясь от такого течения событий, классическая методология представляет реальный правопорядок как совершенную систему, которая содержит в готовом виде ответ на любой вопрос: ответ выводится путем логических операций из писаного права или принципов юриспруденции, а возможные пробелы в законодательстве восполняются по аналогии. Такое представление ученый именует юридическим детерминизмом.

Однако в последнее время среди исследователей возобладало отрицательное отношение к такому детерминизму. Появилось достаточно много данных, свидетельствующих, что из закона можно выводить различные решения, подходящие

---

²¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 78 и сл.

к данной ситуации. Сегодня уже сам законодатель перестает быть позитивистом: признает судебское формирование права, не отвергает возможность восполнения пробелов в праве судебной практикой и юридической доктриной.²²

При этом было бы ошибочным отрицать какой бы то ни было смысл в научной стратегии, уделяющей основное внимание исследованию того, что государство представило в качестве объективного права. Разобравшись в этом, можно составить определенную картину официального правопорядка и законности в обществе.

Нельзя не считаться и с тем, что *право существует уже не одно столетие, и все это время в нем накапливаются устойчивые характеристики возникновения, существования, функционирования. Именно последнее, составляя саму основу права, все более упрочивается, пропитывается чертами универсальности, всеобщности.*

При познании таких характеристик (закономерностей) весьма полезными оказываются мировоззренческие установки классической научной стратегии. Как уже отмечалось, одним из основных ее постулатов является требование, в соответствии с которым ученый должен концентрироваться на познании и объяснении устойчивых закономерностей социальной практики, стремиться получить так называемое объ-

---

²² Адомант К. Нормативная логика – теория метода – юридическая политология: Сб. статей по теории права (1979–1985) // Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Сер. 4: Государство и право. 1988. № 3. С. 11 и сл.

активное знание.

Но и при этом *необходимо учесть и такие важные проблемы*: в какой мере действующие в обществе индивиды ориентированы в своем поведении на официальное право (законодательство), каковы их мотивации, установки? Ответить на эти вопросы с помощью классической стратегии невозможно, здесь необходимо применение возможностей «понимающего» метода.

§ 2. Особенности социологического мышления

По своему характеру, который определяется целями и задачами, социология всегда являлась и, к счастью, продолжает оставаться «неудобной» и даже в какой-то степени оппозиционной наукой. Прежде всего в том смысле, что она нередко вдребезги разбивает казалось бы естественным образом установленные факты и не менее «естественным» образом возникшие представления о таких социальных фактах. Поэтому не так уж редко можно встретить мнение о социологии как науке, вносящей в головы людей сумятицу.

Э. Гидденс, к примеру, пишет о том, что именно в рамках этой науки имело место развенчание казалось бы очевидных суждений о любви, преступности, наказании и др. Традиционный рассудок без тени сомнений будет утверждать вечный и неизменный характер любви, связь любви с браком.

Между тем состояние влюбленности переживалось отнюдь не во все времена, раньше ее редко связывали с браком. Идеал романтической любви овладел умами людей не так уж давно и очень долгое время он не был имманентен западной и другим культурам. Только в наше время стали считать, что любовь, брак и сексуальность связаны теснейшим образом друг с другом. В средние века и последующие эпохи люди вступали в брак в основном для того, чтобы сохранить титул или собственность в руках семьи либо чтобы родить детей, которые бы помогали в работе. Любовь в лучшем случае считалась неизбежной слабостью, а в худшем – разновидностью недуга. Романтическая любовь впервые появляется в дворянских кругах как особая черта внебрачных сексуальных приключений. До конца XVIII в. она была ограничена лишь этими кругами и ни в коей мере не отождествлялась с браком.²³

Исследования некоторых социологов если и не развенчивают, то вносят весьма серьезную корректировку в другое «очевидное» представление – о преступности (ее природе, понятии, роли в обществе). Изыскания в этом направлении таких ученых, как Э. Дюркгейм, Н. Д. Сергеевский, П. А. Сорокин, изменили представление об этом явлении самым радикальным образом.

В частности, Н. Д. Сергеевский, похоже, несколько раньше Э. Дюркгейма сделал вывод, что преступность – нормальное для общества явление. Столкновение общественного и

---

²³ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 24–25.

частных интересов, писал ученый, одновременно служит источником и прогресса, и преступности. Поэтому преступность является спутником прогресса и полностью ее устранить невозможно (по Э. Дюркгейму – стимулирующим эволюцию общества социальным фактом).

Особенности социологического подхода и социологического мышления в значительной мере обусловлены двумя главными идеями основателя социологии О. Конта. Первая – общество, социальные явления необходимо изучать методами точных (естественных) наук. Один из аспектов этой идеи активно обсуждался, и сегодня ясно, что содержание идеи О. Конта этим аспектом исчерпано быть не может.

Имеется в виду то, что необходимость (и возможность) изучения общества методами точных наук определяется действием общих законов, по которым развиваются и естественная природа и общество. Несогласие с выводом, что общество и природа развиваются по единым законам вовсе не исключает возможности изучения общества методами точных наук.

Важно обратить внимание и на другие грани рассматриваемой идеи О. Конта. В общем-то сегодня трудно усомниться в том, что эта идея-принцип предопределила перераспределение внимания ученых в сторону *общественного мнения*. Именно в этой области социология активно и совсем небезуспешно использует методы точных наук.

Жизненность рассматриваемой идеи подтверждается еще

и тем, что обращение к общественному мнению (что само по себе можно рассматривать как потрясающий и пока еще в полной мере не оцененный рывок социального познания) обнаружило еще одну важную проблему – проблему двух языков: *языка научного*, на котором ученые обсуждают свои проблемы, готовят публикации и который они обычно используют в процессе организации и проведения научных исследований; и *языка простых людей, языка здравого смысла*, на котором люди общаются, который они используют при ответах на вопросы анкеты.

Выход ученых на территорию общественного мнения с различного рода опросами вскоре показал, что научный язык далеко не всегда обеспечивает надлежащий контакт ученого с респондентами, поскольку язык последних – по преимуществу язык здравого смысла. Тем самым была обозначена проблема несовпадения, расхождения научного языка и языка здравого смысла. Можно без преувеличения сказать, что в этом направлении социология способствовала сближению научного языка и языка здравого смысла по некоторым параметрам, главным образом в интересах необходимого контакта, взаимопонимания в процессе исследования между учеными и респондентами (носителями коллективного мнения, коллективных чувств). И хотя в этом направлении далеко не все вершины покорены, уже достигнутое позволяет заключить, что социологический подход открыл новую эпоху в социальном познании. *Заманчивым ре-*

результатом этой эпохи может стать глубокое и устойчивое восприятие социального мира не только узкой группой исследователей, но и большинством общества.

Мыслить социологически – значит понимать людей, окружающих нас, их пристрастия и мечты, их опасения и несчастья. Благодаря этому мы сможем не только лучше понимать людей, но даже, возможно, и больше уважать их право самим выбирать тот образ жизни, какой им больше подходит, строить свои жизненные планы, самоопределяться и, наконец, всеми средствами защищать свое человеческое достоинство. Фактически, социологическое мышление может сильно способствовать нашей общей солидарности, основанной на взаимопонимании и уважении, солидарности нашего совместного противостояния страданиям и общей обреченности (З. Бауман).

Вторая идея О. Конта: *результаты социологических разработок должны использоваться (учитываться) при подготовке и проведении в обществе социальных преобразований (реформ)*. Именно эта мысль нередко используется как повод для иронизирования и даже навешивания на социологов различных ярлыков вроде претензионности, неоправданной амбициозности и пр. Но факт, что реализация этой идеи протекает значительно медленнее и, несомненно, с меньшим успехом, нежели первой, не может рассматриваться как достаточное основание для подобных нападок. Тому есть множество причин, из которых далеко не все следует связывать с самой

социологией и учеными. Первый декан первого в мире факультета социологии (1892) А. В. Смолл (1854–1926) придавал очень важное значение ориентации социологических исследований на выработку рекомендаций руководителям различного ранга по совершенствованию деятельности и структуры тех или иных социальных институтов общества, на разработку различных «технологий». Каждое такое исследование должно начинаться с составления теоретически обоснованной программы исследования и рабочего плана.²⁴

В перспективе, возможно не столь близкой, как хотелось бы, внимание к результатам серьезных социологических исследований тех, кто уполномочен обществом на проведение социальных реформ, станет адекватным ценности таких разработок. Давно сказано, что мудрый земледелец бросит зерно только в подготовленную почву. Мудрый реформатор не станет инициировать издание закона, не выяснив предварительно степень подготовленности общества этот закон принять. Каким образом законодатель может это сделать? Один из возможных и скорее всего наиболее коротких и действенных путей – обращение к самому обществу, анализ общественного мнения. Понятно, что серьезный подход к решению данной задачи требует доверять анализ общественного мнения ученым. И в этом смысле полученные ими результаты в той или иной мере могут и должны участвовать в зако-

---

²⁴ Социология. Учеб. пособие / Под общ. ред. Э. В. Тадевосяна. М., 1995. С. 105–106.

нодательной реформе.

Трудно сразу представить масштабы и сложность такой работы. Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как и всякое разумное существо, он становится жертвою собственного поведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему удалось приобрести. А как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя – и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя – и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать о своих ближних – и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством гражданских законов.²⁵ Что же касается социологии, то она стремится приспособить свой исследовательский потенциал к изучению и объяснению того, что является следствием действия обозначенных выше институтов.

С точки зрения передовых позиций в современной социологии (в частности, Э. Гидденса), последняя постепенно откажется от натурализма, поскольку социологи убедятся,

---

²⁵ *Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. С. 13.*

что их дисциплина не тождественна чисто «интерпретаторской» деятельности, но подразумевает объяснение социальной жизни, отличное от ее толкования самими социальными субъектами. Обоснованием социологических обобщений будет тщательное эмпирическое наблюдение. Новый синтез откажется от всех форм объяснений, которые допускают, что человеческое поведение есть в прямом смысле следствие социальных причин (такой смысл принимал детерминизм в социальных науках). В то же время этот синтез признает значение факторов институционального принуждения и тех параметров, которые влияют как на условия, так и на результат индивидуального действия.

§ 3. Социология, юридическая наука, социология права

В нашей науке сложилось довольно устойчивое представление: если необходимо рассмотреть соотношение нескольких наук, то это надо делать через поиск характеристик, которые отличают одну науку от другой, обособляют их друг от друга. Возможно, при этом пытались решить задачу, которая лежит в несколько иной перспективе – обосновать самостоятельность, статус (особенности) каждой из сравниваемых наук. Однако и на решение такой задачи работает характеристика наук с позиций их сходства, общей направленности.

Социологию объединяет и даже роднит с юридической наукой, в особенности с социологией права, заметное количество характеристик. Достаточно сказать, что все эти науки социальные, а это означает, что все они в той или иной мере изучают общество, общественную жизнь. Можно говорить и о том, что эти науки используют методы социального познания, набор которых может и должен отличаться, однако и использование одних и тех же методов здесь не такая уж редкость.

Социология, если иметь в виду предмет этой науки, как мы видели, является в этой триаде, пожалуй, наиболее общей наукой (с точки зрения горизонтов ее предмета). Это значит, что на ее долю выпадает задача исследования и объяснения значительно большего и разнообразного числа тайн общественного (коллективного) бытия, нежели юридической науки и социологии права. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что социология обращается к исследованию проблем, выходящих за границы конкретного общества (хотя и юридическая наука никогда не ограничивалась рассмотрением права конкретного общества).

Длительное время социология и юридическая наука стремились «прописать» социологию права так сказать на своей территории. При этом рассматривались различные варианты. Социология права, ее назначение сводилось к роли вспомогательной науки в составе то социологии, то юридической науки (общей теории права). Вспомогательной в том смыс-

ле, что ей отводилась роль инструмента, с помощью которого осуществлялся бы сбор эмпирической информации. Последняя должна была осмысливаться в составе общего знания «мозговым центром», т. е. теоретиками социологии или юридической науки. Нужно заметить, что большего признания социология права со стороны ученых-социологов пока не получила.

Со стороны юридической науки социологии права приоткрывалась более заманчивая перспектива – статус самостоятельной научной дисциплины в составе юридической науки и ее locus обозначался где-то рядом с теорией права.

В последнее время высказана точка зрения, в соответствии с которой социология права представлялась в качестве самостоятельной *междотраслевой* дисциплины (В. С. Нерсеянц, В. В. Лапаева). Данная позиция заслуживает самого серьезного внимания. Помимо прочего, такой подход обнаруживает очень важную функцию социологии права – быть связующим звеном между социологией и юридической наукой. Эта функция может стать настолько значительной, что обеспечит положение социологии и юридической науки в виде сообщающегося сосуда, в котором социальная и юридическая субстанции права, если и не перемешивались, то взаимно «оплодотворяли» бы друг друга.

Дополнительная литература

Американская социологическая мысль. М., 1994.

Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.

Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. В 2 т. М., 1996.

Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992.

Новикова С. С. История развития социологии в России. М., 1996.

Новые направления в социологической теории. М., 1978.

Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 1996.

Социология / Под общ. ред. Э. В. Тадевосяна. М., 1995.

Социологическая мысль в России / Под ред. Б. А. Чагина. Л., 1978.

Юридическая социология / Отв. ред. В. А. Глазырин. М., 2000.

Извлечения: Р. Арон об основных идеях основателя социологии О. Конта²⁶

...В отличие от Монтестье Огюст Конт – прежде всего социолог, приверженный единству людей и общественных явлений, единству всей истории человечества. Идею единства он доводит до такого предела, за которым обнаруживается препятствие обратного свойства: он с трудом возвращается к разнообразию процессов и с трудом обосновывает это разнообразие. Поскольку существует лишь один безусловно приемлемый тип общества, человечество должно будет, согласно философии О. Конта, прийти к обществу именно этого типа...

3. Социология как наука о человечестве

Свое понимание новой науки, именуемой социологией, Огюст Конт изложил в трех последних книгах «Курса позитивной философии», и особенно в четвертом томе.

Он ссылается на трех авторов, которых представляет в качестве своих вдохновителей или предшественников: Монтестье, Кондорсе и Бюссюэ, не считая Аристотеля... С этими

---

²⁶ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

именами связаны некоторые основные темы его социологического учения.

...Конт, несомненно, в начале своего пути исходил из представления, будто в обществе не могло быть двух разных философий. Однако развитие собственной мысли заставило его признать, что философский плюрализм почти постоянно царил в истории. Конечная цель общественного изменения состоит в подведении мысли человека к упорядочению, чему она и предназначается. Это можно осуществить только двумя способами: или через спонтанный фетишизм, или через последовательный позитивизм. Либо разум объясняет все вещи, полагая, что они наделены душой, либо он отказывается от всякого причинного, теологического или метафизического объяснения и ограничивается объяснением законов...

...Корни этого в том, что позитивизм может быть только поздней философией или, иными словами, он не может быть спонтанной философией. Позитивный разум наблюдает феномены, анализирует их и открывает законы, определяющие их отношения. Однако путем наблюдения и анализа нельзя непосредственно и быстро обнаружить внешний порядок. Человек, прежде чем философствовать, должен существовать. Начиная уже с первого периода истории существования человечества можно, конечно, в случае крайней необходимости научным способом объяснить некоторые научные феномены... Но позитивистская философия, филосо-

фия наблюдения, эксперимента, анализа и детерминизма не могла основываться на подлинно научном объяснении этих феноменов...

...В «Курсе позитивной философии» Конт утверждает, что история, рассматриваемая в целом, представляет собой, в сущности, процесс становления разума человека: «Основная часть этой эволюции, та, которая находится под наибольшим влиянием общего поступательного движения, несомненно, сводится к непрерывному развитию научного разума, начиная с примитивных работ Фалеса и Пифагора и кончая работами Лагранжа и Биша.

Итак, ни один просвещенный человек не будет сомневаться сегодня в том, что в этой длинной цепи усилий и открытий гений человека не всегда шел по строго predetermined пути, точное предварительное знание которого до некоторой степени позволило бы достаточно информированному уму предвидеть (до их более или менее ближайшей реализации) основные достижения, закрепленные за каждым периодом, согласно удачному обзору, уже намеченному в начале прошлого века прославленным Фонтенем.

Таким образом, неотвратимый прогресс ума есть главный аспект истории человечества. Случайностям Конт оставляет мало места. Он утверждает, что основные моменты развития человеческого разума можно предвидеть высшим разумом, так как они отвечали необходимости.

В социальной динамике, излагаемой в 5-м томе «Курса

позитивной философии», или в 3-м томе «Системы позитивной политики», движущей силой перехода от одного этапа к другому выступает противоречие между разными сферами жизни общества. В зависимости от обстоятельств причинной, вызывающей распад определенной системы и наступление следующего этапа, служит экономика или разум.

Тем не менее примат разума остается. В самом деле, основные этапы истории человечества определяются способами мышления; конечным выглядит этап всеобъемлющего позитивизма, а решающей причиной становления – непрекращающаяся критика того, что позитивизм, возникая, а затем достигая зрелости, обнаруживается в предварительном синтезе философии, теологии, метафизики.

Именно разум указывает направление истории, говорит о том, какими станут общество и природа человека на конечном этапе.

Отсюда понятно, что историю можно рассматривать как историю «единого народа». Если бы история была историей религии, то для провозглашения ее единства следовало бы предположить универсализацию религии. Но если история есть история разума, то достаточно, чтобы вся история была историей единого народа, чтобы всем людям был свойственен один образ мыслей, что относительно легко представить...

...Но если история есть история единого народа, если неотвратимы ее этапы и неизбежно ее движение к заданной

цели, то почему у разных народов имеются свои особые и разные истории?

...Конт анализирует историческое разнообразие, детально рассматривая три движущие силы изменения: расу, климат и политическую деятельность. В «Системе позитивной политики» он объяснил главным образом разнообразие человеческих рас, приписывая каждой из них преобладание определенных склонностей. Так, по его мнению, черная раса имеет естественную склонность прежде всего к эмоциональности, что, впрочем, представлялось ему в конце его творческого пути моральным превосходством. Разные народы, следовательно, не развивались одинаково, ибо с самого начала не отличались одинаковыми дарованиями. Но как бы там ни было, очевидно, что эти различия обнаруживаются на основе общей природы.

«Одним словом, так же как я указывал в своем сочинении 1822 г., движение цивилизации происходит, в сущности говоря, не по прямой линии, а сериями неравномерных, неустойчивых отклонений, как при эволюции животных от среднего, преобладающего уровня, точное знание которого позволяет заранее скорректировать эти отклонения и соответствующие им порой роковые шаги. Однако было бы, несомненно, преувеличением полагать, что такое мастерство – усовершенствованное, насколько это возможно, и использованное с надлежащим размахом – может предотвращать насильственные революции, которые порождают препятствия,

подвергающие испытанию спонтанное течение эволюции человека»...

...Новая общественная наука, предлагаемая Контом, оказывается исследованием законов исторического развития. Она основывается на наблюдении и сравнении, а значит на методах, сходных с теми, которые используют другие науки, особенно биология...

Статика и динамика суть две главные категории социологии Огюста Конта. Статика, в сущности, сводится к изучению того, что он называет общественным консенсусом. Общество сравнимо с живым организмом. Подобно тому как нельзя изучать функционирование любого органа в отрыве от целостного живого организма, точно так же нельзя изучать политику и государство вне рамок всего общества, взятого в данный момент.

Социальная статика предполагает, таким образом, с одной стороны, анатомический анализ структуры общества на конкретный момент, а с другой – анализ элемента или элементов, определяющих консенсус, т. е. превращающих совокупность индивидов или семейств в коллектив, делающих из множества институтов единство. Но если статика есть исследование консенсуса, то она заставляет заниматься поисками главных органов любого общества и, следовательно, уходит от разнообразия исторических обществ, позволяющего, в конечном счете, раскрывать начала всякого общественно-го строя.

Динамика с самого начала служит просто описанием последовательных этапов, которые проходят общества. Но мы знаем, что становление общества и разума человека определяется законами. Поскольку все прошлое составляет единство, социальная динамика не похожа на историю, которую пишут историки... Социальная динамика обзорекает последовательные и необходимые этапы становления разума человека и обществ.

Динамика подчинена статике. Ведь понимание того, что есть история, начинается с постижения порядка любого общества. Статика и динамика соотносятся с терминами порядка и прогресса... «Прогресс – это развитие порядка».

4. Человеческая природа и социальный порядок

Первоначально социальная статика сравнима с анатомией и изучает, как организованы разные части социального организма. Но поскольку предметом социологии оказывается история человечества, рассматриваемая как процесс формирования единого народа, анатомическая статика легко превращается в анализ структуры любого общества. Поскольку есть только одна история, изучение статике открывает структурные признаки любого общества. Конт ясно излагает цели статике:

«Надо... сообразуясь с предварительным отвлеченным

понятием, сначала изучить человеческий порядок, как если бы он был неизменным. Таким образом, мы определим его разные фундаментальные законы, неизбежно одинаковые во все времена и во всех местностях. Это планомерное основание позволит нам затем перейти к общему объяснению постепенной эволюции, которая никогда не могла сводиться только к возрастающей реализации режима, свойственного подлинной природе человека, и все основные начатки которой по-прежнему сохраняются...»

...О. Конт указывает, что можно рассматривать природу человека как двойственную или даже тройственную. Можно сказать, что человек состоит из сердца и разума. Или разделить сердце на чувство (привязанность) и деятельность. И считать, что человек – это одновременно чувство, деятельность и разум...

...Человек чувствителен и разумен. В первую очередь он существо деятельное. К концу жизни Конт снова возвращается к формулировкам, содержащимся в «Оппускулах», и в «Системе позитивной политики» пишет, что человек призван не терять времени на спекуляции и бесконечные сомнения. Человек создан действовать.

Однако побуждение к деятельности будет всегда исходить из сердца (в значении «чувство»). Человек никогда не движем разумом, то есть абстрактная мысль никогда не выступает у него детерминантой деятельности. Тем не менее деятельность, одушевляемая чувством, нуждается в контроле

разума. Согласно известной формуле, нужно *действовать под влиянием чувства и думать, чтобы действовать*.

Отсюда следует критика той интерпретации рационализма, которую можно назвать интеллектуалистской. В соответствии с ней развитие истории постепенно сделало бы из разума орган, определяющий поведение человека. По мнению Конта, такого быть не может. Побуждение будет всегда идти от чувства – души человечества и мотора деятельности. Разум никогда не станет более чем органом управления и контроля.

Но разум этим не обесценивается, так как позитивистской философии свойственна идея обратной связи между силой и благородством. Наиболее благородный – это самый слабый. Думать, что разум не предопределяет деятельности, не значит его умялять. Разум не является и не может быть силой именно потому, что он в определенном отношении есть нечто более возвышенное...

...Далее можно различать в сфере чувств то, что относится к эгоизму, и то, что относится, наоборот, к альтруизму или бескорыстию. Конт дает довольно забавную классификацию чувств: он перечисляет исключительно эгоистические инстинкты (пищевой, половой, материнский); затем добавляет к ним склонности также эгоистические, но уже относящиеся к сфере отношений с другими: военные и индустриальные, представляющие собой проекции на природу человека двух типов обществ, которые Конт, как он считал, на-

блюдал в то время. Военный инстинкт – это инстинкт, который содействует преодолению нами препятствий, индустриальный, напротив, побуждает нас к созиданию жизненных благ. Сюда он добавляет еще два чувства, без труда узнаваемых: гордость и тщеславие. Тщеславие – в определенном отношении уже переход от эгоизма к альтруизму.

Неэгоистических склонностей три: привязанность одного лица к другому на основе полного равенства; почтение, уже расширяющее круг охватываемых этой склонностью людей, ибо ею проникнуты отношения сына к отцу, ученика к учителю, подчиненного к начальству; и, наконец, доброта, которая в принципе отличается универсальной распространенностью и должна перейти в религию человечества.

Что касается разума, то он может быть разложен на понимание и выражение. В свою очередь понимание разлагается на пассивное и активное. Первое бывает абстрактным или конкретным. Активное – индуктивным или дедуктивным. Выражение оказывается мимическим, устным или письменным.

Наконец деятельность делится на три направления: доблесть – если пользоваться выражением классической философии – предполагает мужество, благоразумие и твердость или упорство при выполнении какого-либо дела...

...История не меняет природы человека. Присущий статике примат тождественен утверждению вечного характера склонностей, свойственных человеку как таковому. Конт не

написал бы, как Ж.-П. Сартр: «Человек есть будущее человека». И он не считал, что человек все время творит самого себя. Основные склонности, по его мнению, представлены с самого начала.

Отсюда, впрочем, не следует, будто смена обществ ничего не дает человеку. Напротив, история предоставляет ему возможность реализации того, что есть наиболее благородного в его природе, и благоприятствует постепенному расцвету альтруистических наклонностей. Она также дает ему возможность всецело пользоваться разумом как руководителем действий. Разум никогда не будет для человечества ни чем иным, кроме органа контроля. Но на первых порах своей эволюции он еще не может быть действенным контролем за деятельностью, потому что, как было сказано выше, позитивистское мышление не спонтанно. Быть позитивистом – значит открывать законы, управляющие явлениями. Таким образом, нужно время, чтобы наблюдение и эксперимент принесли знание законов. История необходима для того, чтобы разум человека достиг собственной цели и реализовал то, что составляет его призвание...

...Следует сопоставить две главы, относящиеся, с одной стороны, к собственности, с другой – к языку. Сопоставление может оказаться странным, но оно отвечает глубокой мысли Конта. Собственность и язык в самом деле соответствуют друг другу. *Собственность есть проекция на общество деятельности, между тем как язык есть проекция ра-*

зума.

Законом, общим для собственности и языка, служит закон накопления. Цивилизация прогрессирует потому, что победы в материальной и в интеллектуальной сферах не исчезают вместе с теми, кто их добыл. Человечество существует потому, что есть традиции, то есть преемственность поколений. Язык – это, так сказать, место хранения имущества разума. Получая язык, мы получаем культуру, созданную нашими предками.

Эти формулы наводят на размышления. Одна из особенностей Конта в том, что, отталкиваясь от идеи индустриального общества, будучи убежденным в том, что научные общества значительно отличаются от былых обществ, он пришел не к умалению прошлого и возвеличиванию будущего, как большинство современных социологов, а к чему-то вроде реабилитации прошлого. Утопист, мечтающий о будущем, более совершенном, чем все известные общества, он остается человеком традиции с острым чувством единства людей во все времена...

...Конту было присуще чувство равенства людей, но равенства, основанного на коренной дифференциации функций и способностей. Когда он говорил, что женщина в интеллектуальном отношении слабее мужчины, он был близок к тому, чтобы видеть в этом превосходство; одновременно женщина являет собой духовную силу или силу любви, значащую гораздо больше, чем тщеславное превосходство разу-

ма. Пусть не забывается прекрасная формула Огюста Конта:
«Пресыщает любая деятельность и даже мысль, но никогда
не пресыщает любовь».

Извлечения: Э. Дюркгейм. Курс социальной науки²⁷

...Со времени Платона и его «Республики» не было недостатка в мыслителях, философствующих о природе обществ. Но вплоть до начала нынешнего века в большинстве их трудов господствовала одна идея, которая сильно мешала формированию социальной науки. В действительности почти все теоретики политики видели в обществе человеческое творение, произведение искусства и плод рефлексии. С их точки зрения, люди начали жить вместе, потому что обнаружили, что это хорошо и полезно; это искусственное устройство, которое они изобрели, чтобы несколько улучшить условия своего существования. Нация поэтому не является естественным продуктом, подобным организму или растению, которое рождается, растет и развивается благодаря внутренней необходимости; она похоже скорее на создаваемые людьми машины, все части которых собраны согласно заранее предначертанному плану. Если клетки, из которых создан организм взрослого животного, стали тем, чем они являются, то это потому, что в их природе было заложено стать таковыми. Если они соединились подобным образом, то это пото-

---

²⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М., 1995. С. 167–199.

му, что, под влиянием окружающей среды, они не могли соединиться иначе.

Напротив, кусочки металла, из которых сделаны часы, не содержат специальной тенденции ни к какой-то форме, ни к какому-то способу их сочетания. Если кусочки эти соединены так, а не иначе, то потому, что конструктор так захотел. Не их природа, а его воля объединяет испытанные ими изменения; именно он смонтировал их способом, наиболее подходящим для его целей.

Хорошо, допустим, что с обществом дело обстоит так же, как с этими часами. Это значит, что в природе человека нет ничего, что с необходимостью предназначало бы его к коллективной жизни, но он сам изобрел и установил общество из разного рода кусков. Будь оно творением всех, как считает Руссо, или же одного, как думает Гоббс, оно целиком порождено нашим мозгом и нашим мышлением. Оно в наших руках лишь удобный инструмент, без которого, в крайнем случае, мы смогли бы обойтись и который мы всегда можем изменить по своему желанию, так как мы свободно можем переделать то, что сами свободно сделали. Если мы авторы общества, то мы можем его разрушить или трансформировать. Для этого достаточно лишь нашего желания.

Такова, господа, концепция, господствовавшая до недавнего времени. Правда, изредка мы видим появление противоположной идеи, но только на короткие промежутки времени, после которых она почти бесследно исчезала. Выда-

ющийся пример Аристотеля, который первым увидел в обществе факт природы, остался почти без подражателей. В XVIII в. мы видели возрождение этой же идеи у Монтескье и Кондорсе. Но сам Монтескье, который столь твердо заявил, что общество, как и остальная часть мира, подчинено необходимым законам, проистекающим из природы вещей, сразу же забыл о следствиях своего принципа, едва установив его. В этих условиях нет места для позитивной науки об обществе, а есть только для политического искусства. В самом деле, наука изучает то, что есть; искусство же применяет различные средства для достижения того, что должно быть. Таким образом, если общества суть то, что мы делаем сами, то следует спрашивать себя не что они собой представляют, а что мы должны из них сделать. Поскольку нет смысла считаться с их природой, то и нет необходимости познавать их; достаточно установить цель, которую они должны выполнить, и найти наилучший способ устроить вещи таким образом, чтобы цель эта была достигнута. Можно сказать, например, что цель общества – обеспечить каждому индивиду свободное осуществление его прав, и затем вывести отсюда всю социологию.

Экономисты первыми провозгласили, что социальные законы носят столь же необходимый характер, как и законы физические, и сделали из этой аксиомы основу науки. Согласно им, конкуренции также невозможно не выравнивать постепенно цены, стоимости товаров также невозможно не

расти, когда увеличивается население, как телам не падать вертикально, или световым лучам не преломляться, когда они пересекают среды неодинаковой плотности.

Что касается гражданских законов, которые издают государи, или за которые голосуют законодательные ассамблеи, то они, очевидно, лишь выражают в осязаемой и ясной форме эти естественные законы; но они не могут ни создавать эти законы, ни изменять их. Невозможно путем декрета придать продукту отсутствующую у него стоимость, т. е. надделить ею такой продукт, в котором никто не испытывает потребности, и все усилия правительства изменить по своей воле общества напрасны, если не вредны; поэтому лучше всего им от этого воздерживаться. Вмешательства этих усилий почти всегда вредно; природа в них не нуждается. Она сама следует своим путем, не нуждаясь ни в помощи, ни в принуждении, если только, впрочем, допускать, что это возможно.

Распространите этот принцип на все социальные факты, и социология уже имеет обоснование. В самом деле, любая отдельная сфера естественных явлений, подчиненных постоянным законам, может быть объектом методического изучения, т. е. позитивной науки...

... Тем нет менее заслуга экономистов не следует преувеличивать. Говоря, что экономические законы естественны, они придавали этому выражению смысл, который уменьшил его значение. Действительно, согласно им в обществе реал-

лен только индивид; именно из него все исходит, и именно к нему все возвращается. Нация – это лишь номинальная сущность; это слово, которое обозначает механический агрегат находящихся рядом друг с другом индивидов. Но в ней нет ничего специфического, что отличало бы ее от остальных явлений; ее свойства – это свойства составляющих ее элементов, разросшиеся и усиленные. Индивид, стало быть, есть единственно осязаемая реальность, доступная наблюдателю, и единственная проблема, которую может поставить перед собой наука, заключается в поиске того, как индивид должен вести себя в основных обстоятельствах экономической жизни, опираясь на свою природу.

Политическая экономия потеряла, таким образом, все преимущества, вытекающие из выдвинутого ею принципа. Она осталась абстрактной и дедуктивной наукой, занятой не наблюдением реальности, а конструированием более или менее желательного идеала, так как этот человек вообще, этот теоретический эгоист, о котором она говорит нам, – это лишь абстрактное понятие. Реальный человек, которого мы знаем и которым мы являемся, гораздо сложнее: он принадлежит определенному времени и определенной стране, у него есть семья, гражданское сообщество, отечество, религиозная и политическая вера, и все эти и еще многие другие силы смешиваются, комбинируются тысячами способов, скрещивают свои влияния, так что с первого взгляда невозможно сказать, где одна и где кончается другая. Только после длительного и

тщательного анализа, едва начавшегося сегодня, станет возможно однажды описать каждую из этих сил...

Огюст Конт вносит поправку в утверждение экономистов: вместе с ними он заявляет, что социальные законы являются естественными, но он придает этому слову его полное научное значение. Он определяет конкретную реальность, которую следует изучать социальной науке, – это общество. Для него общество так же реально, как живой организм. Оно, конечно, не может существовать вне индивидов, которые служат для него субстратом; и, тем не менее, оно есть нечто иное. Целое не тождественно сумме своих частей, хотя без них оно стало бы ничем. Точно так же, объединяясь определенным образом и длительными связями, люди формируют новое бытие, имеющее свою особую природу и свои собственные законы. Это социальное бытие. Происходящие здесь явления, безусловно, в конечном счете коренятся в сознании индивида. Тем не менее коллективная жизнь не есть просто увеличенное изображение индивидуальной жизни. Ей присущи признаки *sui generis*, которые не позволяли увидеть одни только индукции психологии. Так, нравы, предписания права и морали были бы невозможны, если бы человек не был способен усваивать привычки; эти нравы и предписания представляют собой, однако, нечто иное, нежели индивидуальные привычки...

Одновременно Огюст Конт подчеркивал наличие в обществах одной черты, которая является их отличительным

знаком и которую экономисты, однако, не увидели. Я имею в виду «тот универсальный консенсус, который характерен для любых явлений в живых организмах и который социальная жизнь необходимо обнаруживает в наивысшей степени» (Cours de philosophie positive, т. IV, р. 234).

Для экономистов моральные, юридические, экономические, политические явления протекают параллельно друг другу, не касаясь друг друга, так сказать; точно так же соответствующие науки могут развиваться, не зная друг друга. В самом деле, известно, сколько ревнивого усердия политическая экономия всегда прилагала для отстаивания своей независимости. Для Конта, наоборот, социальные факты слишком тесно связаны между собой, чтобы можно изучать их отдельно друг от друга. В результате этого сближения каждая из социальных наук теряет часть своей самостоятельности, но выигрывает в основательности и действенности...

...Когда в обществе видят только индивида, понятие которого ведет лишь к идее, хотя и ясной, но сухой и пустой, лишенной всего живого и сложного, то, естественно, что из него не могут вывести ничего сложного и приходят к теориям упрощенным и радикальным. Если, наоборот, каждое изученное явление соединено с бесчисленным множеством других, если каждая точка зрения связана со многими другими точками зрения, то в этом случае уже невозможно одними категорическими утверждениями решать все вопросы... В жизни столько различных вещей! Нужно уметь предоста-

вить каждой из них подобающее место. Вот почему Огюст Конт, вполне допуская вместе с экономистами, что индивид имеет право на значительную часть свободы, не желал, в то же время, чтобы она была беспредельной и объявлял обязательной коллективную дисциплину. Точно так же, признавая, что социальные факты не могут произвольно ни создаваться, ни изменяться, он считал, что из-за их большей сложности они легче поддаются изменениям, следовательно, могут в известной мере с пользой управляться человеческим интеллектом.

Все это, господа, значительные и серьезные достижения и традиция не без основания начинает социологию с Огюста Конта... У нее теперь есть объект, но насколько же неопределенным он еще остается! Нам говорят, что она должна изучать *Общество*; но *Общество не существует*. Существуют общества, которые классифицируются на роды и виды, так же как растения и животные. О каком же виде идет речь? Обо всех сразу или только об одном? Для Конта, господа, такой вопрос даже не существует, так как он считает, что имеется лишь один-единственный социальный вид. Противник Ламарка, он не допускает, что сам по себе факт эволюции может дифференцировать бытие до такой степени, что порождает новые виды.

С его точки зрения, социальные факты всегда и везде одни и те же и различаются только в интенсивности; социальное развитие всегда и везде одно и то же и различается только

в скорости. Самые дикие и самые культурные народы – это лишь различные стадии одной единственной эволюции. Все человечество развивается по прямой линии, и различные общества – это лишь следующие друг за другом этапы отмеченного прямолинейного движения. Кроме того, слова «общество» и «человечество» Конт использует как взаимозаменяемые. Причина в том, что в действительности его социология представляет собой не столько специальное исследование социальных организмов, сколько философское размышление о человеческой социальности вообще. Эта же причина объясняет нам и другую особенность его метода. Поскольку человеческий прогресс везде подчинен одному и тому же закону, то лучшее средство его познания – это, естественно, наблюдать его там, где он выступает в наиболее явной и законченной форме, т. е. в цивилизованных обществах...

Спенсер не ограничился указанием на несколько внешних аналогий между обществами и живыми существами; он ясно заявляет, что общество есть разновидность организма. Как и всякий организм, оно рождается из зародыша, эволюционирует в течение определенного времени и, наконец, завершает свое существование распадом. Как и всякий организм, оно является результатом совместного участия дифференцированных элементов, каждый из которых имеет свою специальную функцию; дополняя друг друга, все эти элементы стремятся к одной и той же цели. Более того: благодаря общим принципам его философии, эти существенные сходства

должны были быть для Спенсера признаком настоящей преемственной связи. Если социальная жизнь в общих чертах напоминает жизнь индивидуальную, то это потому, что она рождается из последней; если общество имеет общие черты с организмами, то это потому, что само общество есть преобразованный и усовершенствованный организм. Клетки, соединяясь, образуют живые существа, а живые существа, соединяясь между собой, образуют общества. Но вторая эволюция является продолжением первой, отличие лишь в том, что, все более совершенствуя свои средства, она мало-помалу достигает большей гибкости и свободы органического агрегата, не разрушая в то же время его единства.

Эта простейшая истина послужила, однако, поводом для довольно оживленной полемики. Несомненно, истина эта теряет свою ценность, если ее истолковывают слишком буквально и преувеличивают ее значение. Если, как это сделал Лилиенфельд в своих «Мыслях о социальной науке будущего», кто-то думает, что одно это сопоставление мгновенно раскроет все тайны, которыми еще окружены вопросы о происхождении и природе общества, и что для этого достаточно будет перенести в социологию лучше познанные законы биологии, просто заимствуя их, то он тешит себя иллюзиями. Если социология существует, то у нее есть свои собственные законы и метод. Социальные факты могут по-настоящему объясняться только другими социальными фактами, и в этом не отдавали себе отчета, потому что подчеркивали их

сходство с биологическими фактами, наука о которых к настоящему времени уже создана. Объяснение, пригодное для последних, не может быть целиком приспособлено для первых. Эволюция – это не единообразное повторение. Каждая сфера природы обнаруживает нечто новое, что наука должна постигнуть и воспроизвести, а не игнорировать. Для того чтобы социология имела право на существование, нужно, чтобы в социальной сфере было нечто такое, что ускользает от биологического исследования...

Теория Спенсера, таким образом, при умелом ее использовании, очень плодотворна. Кроме того, Спенсер определял объект социальной науки более точно, чем Конт. Он уже не говорит об обществе в общей и абстрактной форме, а выделяет различные социальные типы, которые классифицирует по разнообразным группам и подгруппам; и чтобы обнаружить искомые им законы, он не выбирает один из этих типов, игнорируя другие, но считает, что все они имеют одинаковый интерес для ученого. Если мы хотим постигнуть общие законы социальной эволюции, то ни одним типом мы не можем пренебречь...

...К сожалению, выполнение этой прекрасной и обширной программы не соответствует полностью содержащимся в ней обещаниям. Причина эта заключается в том, что Спенсер, точно так же, как Огюст Конт, занят меньше трудом социолога, чем философа. Социальные факты не интересуют его сами по себе; он изучает их не с единственной целью по-

знать их, но для того, чтобы проверить на них разработанную им великую гипотезу, которая должна объяснить все на свете...

...Когда этот курс создавался (курс социальной науки, социологии. – Ю. И.), мы спрашивали себя, не место ли ему скорее на факультете права. Этот вопрос о месте имеет, я думаю, второстепенное значение. Границы, разделяющие различные части университета, не столь уж резко выражены, чтобы некоторые курсы не могли с равным основанием читаться на разных факультетах. Но это беспокойство о месте преподавания выражает тот факт, что лучшие умы признают сегодня необходимость для студента-правоведа не замыкаться в толковании юридических текстов. Если в самом деле он проводит все свое время в комментировании текстов и, следовательно, относительно каждого закона его единственная забота – постараться угадать, каким могло быть намерение законодателя, он приобретает привычку видеть в воле законодателя единственный источник права. А это значит принимать букву за дух, видимость за реальность. Право вырабатывается в глубинах общества, а законодатель лишь освещает процесс, который совершился без него. Поэтому студенту необходимо узнать, как право формируется под давлением социальных потребностей, как оно постоянно закрепляется, через какие степени кристаллизации оно последовательно проходит, как оно трансформируется. Ему нужно конкретно показать, как рождались такие великие юридические ин-

ституты, как семья, собственность, договор, каковы их причины, как они изменились, как они, вероятно, будут изменяться в будущем. Тогда он уже не будет видеть в юридических формулах нечто вроде таинственных изречений оракула, смысл которых он должен разгадать; он сможет определить значение этих формул не по смутному и часто неосознанному намерению какого-то человека или ассамблеи, но согласно самой природе реальности.

Такова, господа, теоретическая польза, которую может принести наша наука. Но помимо этого она может оказать благотворное влияние и на практику. Мы с вами живем в стране, не признающей никакого властелина, кроме общественного мнения. Чтобы этот властелин не стал неразумным деспотом, надо его просвещать, а как это сделать, если не с помощью науки? Под влиянием причин, анализ которых занял бы сейчас слишком много времени, коллективный дух у нас ослаб. У каждого из нас существует настолько преувеличенное ощущение своего Я, что мы не замечаем уже границ, сжимающих его со всех сторон. Создавая у себя иллюзию о своем собственном всемогуществе, мы стремимся быть самодостаточными. Вот почему мы видим все свое достоинство в том, чтобы как можно сильнее отличаться друг от друга и следовать каждому своим собственным путем. Необходимо изо всех сил противодействовать этой разлагающей тенденции. Необходимо, чтобы наше общество вновь осознало свое органическое единство; чтобы индивид

чувствовал эту социальную массу, которая охватывает и пронизывает его, чтобы он чувствовал ее присутствие и воздействие, и чтобы это чувство всегда управляло его поведением; недостаточно того, чтобы он вдохновлялся им лишь время от времени в особо критических обстоятельствах. Итак, господа, я верю, что социология более чем любая другая наука в состоянии восстановить эти идеи. Именно она дает понять индивиду, что такое общество, как оно дополняет индивида, и насколько мало он значит, если он ограничен только своими собственными силами. Социология объяснит ему, что он представляет собой не государство в государстве, а орган в организме, и покажет ему, как прекрасно сознательно исполнять свою роль органа. Она даст ему почувствовать, что нет ничего унижительного в том, чтобы быть солидарным с другим и зависеть от него, чтобы не принадлежать целиком самому себе. Конечно, эти идеи станут по-настоящему действенными только если они распространятся в глубинных слоях общества; но для этого мы должны сначала осуществить их научную разработку в университете.

Извлечения: В. А. Ядов.

**«Глава 1. Некоторые проблемы
теории и методологии
социологических исследований»²⁸**

1. О предмете социологии

Говоря о методологии и методах социологического исследования, мы должны, конечно, уяснить, каков предмет социологии как науки.

Вопросы о предмете науки – это вопросы о том, что и как изучать, чему и как учить в данной области знания и где границы компетентности специалиста. В исследовательской практике мы постоянно сталкиваемся с необходимостью пересечения границ предметной зоны. Но совершать такой переход можно двумя путями: легальным и контрабандным, соблюдая определенные правила или игнорируя их. В первом случае осознается сам факт пересечения границ и соответственно – потребность обратиться к понятийно-методическому аппарату смежной области знания или же необ-

---

²⁸ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М., 1998. С. 14–43.

ходимость привлечь специалистов в этой области. «Нелегальный» же переход грозит дилетантизмом, некомпетентностью. Такова логика современного разделения труда в науке, где углубление профессионализации сопровождается интеграцией в междисциплинарных связях...

...Сегодня становится достаточно очевидным, что главный порок наших прежних дискуссий о предмете социологии – их целевая установка: не столько уяснить собственно предметную область науки, сколько доказать, что она не находится в противоречии с марксистской философией и марксистским мировоззрением. Отсюда и расстановка акцентов. По преимуществу это были дискуссии идеологического свойства, в которых понятия науки и идеологии нередко смешивались.

Между тем это принципиально различные сферы духовной деятельности. *Наука, в том числе общественная, призвана беспристрастно искать истину, используя обновляющийся аппарат знания о своем предмете. Идеология выполняет иную функцию – выражает социальный интерес определенных общественных сил.*

Идеология, опирающаяся на научное знание, заслуживает положения реалистической. В противном случае она иллюзорна. Наука, опирающаяся на идеологию, утрачивает право называться наукой, превращается в апологетику социального интереса. Однако чтобы следовать принципу размежевания социологии и идеологии, сформулированному выда-

ующимся теоретиком Максом Вебером, нужно знать, какие опасности подстерегают исследователя на пути к достоверному знанию.

К истории развития предмета социологии

Что есть объект и предмет научного знания, совпадают ли они? Нет, не совпадают. Ибо объект любой науки есть то, на что направлен процесс исследования, а предметная ее область – те стороны, связи, отношения, составляющие объект, которые подлежат изучению.

Объект социологии, как и других общественных наук – социальная реальность. И потому социология – наука об обществе. Но этого недостаточно для определения ее предмета. Это лишь указание на объект исследования, который совпадает с объектом других общественных наук, будь то история, культурология, этнология, политология, демография, право. Одно из возможных определений социологии – это наука о целостности общественных отношений, обществе как целостном организме.

Здесь мы приближаемся к предметной области социологии, однако прервем рассуждения для небольшого методологического комментария.

Предмет науки не может быть стабильным. Он находится в постоянном движении, развитии, как и сам процесс познания. Его движение зависит от двух решающих факторов – прогресса самого научного знания, с одной стороны,

и меняющихся потребностей общества, социального запроса, с другой. Очевидно, что социология не могла не претерпевать переосмысления своей предметной области, ибо последняя формировалась и продолжает формироваться под воздействием упомянутых факторов.

На протяжении полутора столетий в определении предмета социологии противостоят две тенденции, истоки которых в классической философской антиномии концептуально-теоретического и феноменологического подходов к анализу природных и общественных явлений. Речь идет о том, что, по существу, в социологии как бы параллельно развиваются две плохо согласующиеся между собой теоретические парадигмы: макросоциологическая и микросоциологическая. «Макротеоретики» оперируют понятиями общества, культуры, социальных институтов, социальных систем и структур, глобальных социальных процессов. «Микротеоретики» работают с понятиями социального поведения, акцентируя внимание на его механизмах, включая межличностное взаимодействие, мотивацию, стимулы групповых действий и т. д.

Отсюда два совершенно разных подхода к определению социологии: один – в направлении развертывания ее предмета как науки о целостности общественного организма, о социальной и социокультурной системах, другой – как науки о массовых социальных процессах и массовом поведении. Было бы ошибочно считать первый теоретическим, а второй

прикладным: они реализуют обе функции науки. При первом подходе социология сопрягается с демографическими, экономическими и политическими науками, при втором – с социальной психологией.

Хотя «отец социологии» Огюст Конт, по мнению А. Бескова, является еще только протосоциологом, так как привлекал аналогии из физики и самую науку первоначально назвал социальной физикой, он, в сущности, сформулировал парадигму теоретической макросоциологии...

Концепция функциональности социальных связей, выдвинутая О. Контом, в работах Г. Спенсера была доведена до прямых аналогий с учением Ч. Дарвина применительно к эволюции общественного организма. Э. Дюркгейм вводит понятие «социальный факт» как нечто данное, что подлежит объяснению с точки зрения функциональности в отношении к системе верований, коллективного сознания, скрепляющих общественную целостность.

Идея рациональной организации общественных институтов М. Вебера сопрягается с неоконтианской философской традицией. Социальное поведение индивидов Вебер предпочитает истолковывать в духе рационализма, именно отсюда берет истоки концепция экономического человека, рассудочного и эгоистичного по природе...

...В России то направление, которое получило известность как собственно «русская школа» в социологии (Н. К. Михайловский прежде всего), так же как и в Западной Ев-

ропе, рассматривало предмет социологии в качестве знания о целостности общественных систем. Русская субъективная школа в центр внимания выдвигала проблематику социальной интеграции и солидарности, стремилась установить универсальные законы общественной эволюции.

К середине XX века вполне определенно обнаружилось две течения в развитии мировой социологии: европейская и американская. Европейская социология развивалась в тесной связи с социальной философией, а американская изначально формировалась как наука преимущественно о человеческом поведении. Социология в США ведет начало с Чикагской школы 20-х годов. Именно Чикагская школа, утвердившая метод наблюдения и другие формы полевых исследований, создала особый облик американской социологии. К настоящему времени это, по преимуществу, проблемно-ориентированная поведенческая наука. Что же касается классической европейской социологии, то она не только тяготела к социально-философской традиции, но была к тому же предметноориентированной... Э. Дюркгейм и М. Вебер, Н. Михайловский и П. Сорокин в России в меньшей степени были озабочены проблемами социальной реформации, они видели прикладную функцию социологии прежде всего в том, чтобы содействовать стабилизации, упорядочению общественной жизни в согласии с ее внутренней природой, достаточно устойчивой и целесообразной в своей основе, изменяющейся эволюционно по пути социального про-

гресса. Эта, по сути, консервативная традиция, воспринятая в структурно-функциональном анализе Парсонса-Мертона, подверглась в 60-е годы решительной критике со стороны радикально настроенных социологов Европы и Америки. Именно тогда западные социологи обратились к марксизму, влияние которого в макросоциологических исследованиях по сию пору остается достаточно сильным.

В 50–80-е гг. наблюдалась своего рода «американизация» западноевропейской социологии, все еще сохраняющей классическую социально-философскую ориентацию. С одной стороны, сказываются воздействия социальной практики и необходимость обращаться за субсидиями на социологические исследования к частным организациям в промышленности и др. С другой стороны, на европейскую социологию оказывают влияние далеко продвинутые проблемно-ориентированные исследования, проведенные в США, на основе которых развиваются традиционные и возникают новые частносоциологические концепции. Западноевропейская социология движется в сторону проблемно-ориентированного и преимущественно прикладного развития своей предметной области.

Вместе с тем в западной социологии, начиная с середины 70-х гг., развернулась все нарастающая критика макросоциологических и частносоциологических теорий. Главное «обвинение» в их адрес – неспособность понять и объяснить собственно человеческую жизнь и повседневность жизни.

недеятельности людей, что называется, «изнутри», из самой этой жизненной повседневности. Это направление опирается в основном на философские концепции экзистенциализма (американский социолог Э. Тиракьян назвал это направление «экзистенциальная социология»). Отвергая позитивистскую ориентацию как жесткую и стремящуюся рационализировать социальную реальность, каковая не поддается полноценному пониманию в логически стройных концепциях, социологи этого направления принимают иную крайность и подчас вовсе отказываются от попыток макротеоретического осмысления социальных процессов и социального развития...

Итак, важным поворотом новейших исследований современной теоретической социологии является переосмысление масштабов социального пространства, каковое представляется в качестве общемирового. Другой принципиально важный поворот – это перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы. Как пишет польский социолог Петр Штомпка, доминирующее значение приобретает «процессуальный образ» социальной реальности. Вместе с тем само общество представляется уже не столько в качестве объекта (группы, организации и т. д.), но как своего рода «поле возможностей» социальных субъектов для проявления их деятельной активности. Ключевой единицей анализа становится то, что можно назвать «*событием*», действием социальных агентов. Последствия этих дей-

ствий жестко не заданы, многовариантны.

Такой взгляд на природу социальной реальности возник под влиянием мировоззренческой концепции, получившей название «постмодернизм» (и в этом – еще одно свидетельство влияния на определение предмета социологии социально-философских воззрений). Альтернативная концепция модернизма, до сего времени достаточно распространенная в мировой социологии, опирается на убеждение о направленном прогрессирующем развитии общества от одной стадии к другой, более совершенной. Последующие стадии, как бы они не назывались, отвечают требованиям более высокой эффективности, целесообразности, приспособленности обществ к изменяющимся внутренним и внешним условиям. Постмодернистская идеология исходит из утверждения о незаданности вектора социального развития, а точнее – утверждает приоритет социальных субъектов как деятелей в активном преобразовании форм их социального бытия с учетом всего контекста природных и социальных условий на момент социального действия. Идея социального прогресса этим не отрицается. Отрицается его однонаправленная заданность. Предполагается многовариантность развития обществ и социальных организаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.